

Красная площадь, дом один, — такой адрес был указан на бумажке, и Боголюбов очень веселился, адрес ему нравился. К навигатору решил не обращаться, интересней ехать по бумажке.

Ухая поочередно всеми колесами в самые что ни на есть настоящие, подлинные «миргородские» лужи, Боголюбов объехал двухэтажные торговые ряды — облупившиеся колонны подпирали римский портик, меж колонн бабки в платках продавали семечки, резиновые сапоги, камуфляжные штаны и дымковскую игрушку, носились на велосипедах дети и лежали, свернувшись, ничейные собаки — и покатыл по указателю с гордой надписью «Центр». Красная площадь — это, должно быть, самый центр, а как же иначе!..

Дом номер один он увидел сразу — на зеленоватом от времени и плесени жидком штакетнике выделялась новехонькая ядовито-синяя табличка с белой единицей. За штакетником был садик, бедный, весенний, серый, а за садиком угадывался домик. Боголюбов притормозил возле покосившихся ворот и посмотрел в лобовое стекло.

...Ну что же! Начнем?..

Он вышел из машины, сильно хлопнул дверью. Звук резко прозвучал в сонной тишине Красной площади. По древней брусчатке семенили грязные голуби, равнодушно клевали крошки и от резкого звука лениво побежали в разные стороны, но не разлетелись. На той стороне возвышалась старинная церковь с колокольной, серое здание с флагом и памятник Ленину — вождь указывал на что-то рукой. Боголюбов оглянулся посмотреть, на что указывает. Получалось, как раз на дом номер один. Вдоль улицы тянулся ряд двухэтажных домов — первый этаж кирпичный, второй деревянный — и размещался магазин-стекляшка с надписью «Промтовары-кооп».

— Кооп, — сам себе сказал Боголюбов. — Вот так кооп!..

— Здравствуйте! — громко поздоровались совсем рядом.

Из-за штакетника подходил человек в клетчатой рубашке, застегнутой под подбородком. Он издали старательно улыбался и заранее протягивал руку, как Ленин, и Боголюбов ничего не понял. Человек подошел и потряс рукой перед Боголюбовым. Тот догадался и пожал.

— Иванушкин Александр Игоревич, — представился человек и подбавил несколько ватт в сияние на физиономии. — Выслан встретить, проводить, показать. Оказать помощь, если необходимо. Ответить на вопросы, если возникнут.

— А в доме с флагом что находится? — задал Боголюбов первый из возникших вопросов.

Иванушкин Александр вытянул шею, заглянул за Боголюбова и вдруг удивился:

— А! Там у нас горсовет. Бывшее дворянское собрание. Памятник новый, в восемьдесят пятом году поставили, под самую перестройку, а здание семнадцатого века, классицизм. В двадцатых годах прошлого века там располагался комитет бедноты, так называемый комбед, затем Пролеткульт, а потом уже здание перешло...

— Здорово, — непочтительно перебил Боголюбов. — А озеро в какой стороне?

Иванушкин Александр уважительно покосился на брезентовый горб прицепа — Боголюбов привез с собой лодку — и махнул рукой в ту сторону, где над низкими домами висело красное закатное солнце.

— Озера там, километра три. Да вы проходите, проходите в дом, Андрей Ильич. Или вы сразу на озеро?..

— На озеро я не сразу! — заявил Боголюбов. — Я на озеро потом!..

Он обошел машину, распахнул багажник и за длинные ручки, как за уши, выволок баул. В багажнике находилось еще довольно много баулов — большая часть жизни Андрея Боголюбова осталась в багажнике. Иванушкин подскочил и стал тянуть баул из рук Андрея. Тот не давал.

— Ну что вы, — пыхтел Александр, — как же, я помогу, позвольте.

— Не позволю, — отвечал Боголюбов, не выпуская баула, — я уж как-нибудь своими силами.

Он вышел победителем, захлопнул багажник, оказался нос к носу с существом в темных одеяниях и от неожиданности подался назад, пришлось даже взяться рукой за теплый бок машины. Существо

строго, не моргая глядело на него как будто из черной рамы.

— Зачем пришла? — напряженным голосом пробормотал рядом Александр Иванушкин. — Уходи!

— Подайте на бедность сироткам, — отчетливо выговорила убогая в черных одеждах. — Ради Христа.

Боголюбов полез в передний карман, где обычно болталась мелочь.

— Мало подал, — презрительно сказала убогая, приняв в холодную ладонь монетки. — Еще давай.

— Уходи, кому говорю!..

Боголюбов оглянулся на Иванушкина. Тот почему-то стал бледен, как будто перепуган, хотя ничего особенного не происходило.

— Уезжай отсюда, — велела кликуша, когда Боголюбов сунул ей бумажку — полтинник. — Нечего тебе тут делать.

— Я сам разберусь, — пробормотал Андрей Ильич, закидывая за плечо баул.

— Беда будет, — пообещала убогая.

— Уходи! — почти крикнул Иванушкин. — Еще каркает тут!..

— Быть беде, — повторила убогая. — Собака выла. Смерть кликала.

— Жил-был у бабушки серенький козлик, — пропел Андрей Ильич на мотив «Сердце красавицы склонно к измене», — жил-был у бабушки серый козел!

— Вы не обращайте внимания, Андрей Ильич, — чуть задыхаясь, говорил сзади Александр Иванушкин, пока они шли к дому по мокрой дорожке, засыпанной прелыми прошлогодними листьями, — она ненормальная. Все какие-то беды пророчит,

несчастья, хотя это и понятно, она сама человек несчастный, ее можно простить.

Боголюбов сделал оборот, едва не задев баулом по носу взволнованного собеседника.

— Да кто она-то?..

— Матушка Ефросинья. Это мы ее так зовем, хотя монашеского звания она не имеет, так, убогая просто. Ради Христа ходит просит, вот живет, не гонит ее никто, и вы не обращайтесь внимания...

— Я не обращаю. Это вы чего-то переживаете!..

— Да как же! Вы мое новое начальство, директор музея-заповедника, большая величина, я вам все условия создать должен...

Загремело какое-то железо, как будто проташилась цепь, и прямо под ноги Боголюбову выкатилась мерзкая грязная собака с оскаленной пастью, всхрипнула и отчаянно забрехала, припадая на передние лапы. Боголюбов, не ожидавший ничего подобного, оступился, тяжеленный баул поехал, накренился, и Андрей Ильич, новый директор музея-заповедника и большая шишка, брякнулся в грязь прямо перед носом бесновавшейся собаки. Она захлебнулась лаем и стала рваться с цепи с утроенной силой.

— Андрей Ильич, ах, как нескладно! Давайте, давайте, вставайте! Вы не ушиблись? Да что ж такое-то?! Пошла вон отсюда! Место! Иди на место, кому говорю! Держитесь за руку, Андрей Ильич!

Боголюбов оттолкнул руку Иванушкина, кряхтя, поднялся из жидкой грязи. Баул валялся в луже. Собака билась в истерике прямо перед ним.

— Утопить бы ее, да некому. Хотели, чтоб ветеринар усыпил, а он говорит, что без разрешения

хозяев усыплять не имеет права, вот, Господи помилуй, незадача какая!..

— Так, все, — распорядился Боголюбов, — хватит. Вода в доме есть?

Руки, джинсы, локти — все было в черной смачной грязи. Жил-был у бабушки серенький козлик!..

— Вода, — бормотал сзади Александр Иванушкин, поднимаясь следом за Боголюбовым на крыльцо, — вода у нас есть, насос качает, и колонка есть, греет, так что... Вы меня извините, Андрей Ильич, за недосмотр, что ты будешь делать...

Боголюбов одну за другой толкнул белые крашенные двери и вошел в тихий полумрак, пахнущий чужой жизнью и старым деревом. Помедлил и один о другой стащил ботинки — полы были устланы чистыми половиками.

— Ванна в кухне, — продолжал сзади Иванушкин Александр, — там и колонка, и раковина. А туалетик дальше по коридору, вон последняя дверь, только крючок приладить надо, я не успел.

— Туалетик, — повторил Андрей Ильич и стал расстегивать и стаскивать джинсы прямо посреди коридора. — Как вы думаете, Александр, нам удастся отстоять мои вещи? Или чудовище уволокло их в свою пещеру?..

Новый подчиненный вздохнул.

— Она под крыльцом живет, — сказал он и отвел глаза, — привязали, когда директор слег. Он, бедолага, не сразу помер, лежал месяца три. А она никого к себе не подпускает! Бывало, срывалась, убегала, но потом приходила, ее опять привязывали. Еду туда, под крыльцо, кидаем. Усыпить бы ее верное дело, а еще лучше пристрелить. У вас ружья нет?..

Иванушкин помедлил и загрохотал башмаками по крашеным полам — отправился спасать вещи нового начальника. Боголюбов стащил джинсы и, неся их в отставленной руке, вошел в тесную кухню. Здесь были круглый стол, покрытый клеенкой, несколько жестких стульев, мрачный буфет с оторванной дверцей, щербатая раковина, плита времен Очакова и покоренья Крыма, длинная узкая латунная ванна с двумя краниками и газовая колонка на стене.

Андрей Ильич швырнул джинсы в ванну, повернул краник — внутри дома что-то засипело, поднатужилось, захрюкало. Долгое время ничего не происходило, а потом из краника полилась вода.

— И на том спасибо, — пробормотал Андрей Ильич и стал энергично намыливать руки куском розового земляничного мыла, пристроенного на край ванны.

В конце концов, это даже забавно. Козлик начинает новую жизнь на новом месте. Нет, нет, не козлик, а целый козел. Жил-был у бабушки серый козел!..

Александр Иванушкин втащил баул — с одного боку тот совершенно промок — и завздохал.

— Что вы сопите? — осведомился Боголюбов, выуживая из баула чистые джинсы. — Лучше расскажите, как обстоят дела во вверенном мне музейном учреждении!

— Закрывать нас приехали? — спросил Александр бодряческим тоном. — Или перепрофилировать?.. В городе идут разговоры, что музей закрывают. А к нам не только школьники и пенсионеры, к нам научные работники со всей страны едут, иностранцы тоже. Мы тематические программы, лекции

проводим, наш музей — центр культурной жизни всей области, так сказать.

Боголюбов, натянув джинсы, сдернул с круглого стола клеенку, скатал ее в огромный бесформенный ком и поискал глазами, куда бы выбросить. Не нашел и сунул на стул, за плиту. Александр проводил ком глазами.

— В этом доме старый директор жил, — выговорил он с тоской. — Пока не умер.

— Пока не умер, жил, — повторил Боголюбов. — Это логично.

— Мы ведь думали, Анну Львовну назначат, а оказалось, по-другому решили. Вас назначили. В Москве видней, конечно.

— Конечно, — согласился Андрей Ильич. — Высоко сажу, далеко гляжу.

— Анна Львовна в возрасте, естественно, но специалист большой, всю жизнь в нашем музее работала. Вам бы с ней поговорить, Андрей Ильич. Так сказать, для начала, для вхождения в курс. А то ведь поздно будет...

— Почему поздно? — рассеянно спросил Боголюбов, прикидывая, когда именно стирать джинсы — прямо сейчас или подождать, пока Иванушкин перестанет окружать его заботой и вниманием.

Александр вздохнул так, что широченные плечи, стиснутые клетчатой рубашкой, поднялись и опустились.

— Уезжает Анна Львовна, — горестно поведал он. — К сыну в Кисловодск. Хотела еще до вашего приезда, да мы уговорили задержаться... Как узнала, что новый директор из Москвы назначен, так и стала собираться. Она же на пенсии давно, заслуженный

работник культуры, человек уважаемый. А с ней так... поступили.

— Ну, если вы намекаете, что я подселел уважаемую Анну Львовну, — сказал Боголюбов, так окончательно и не решив про штаны, — то не старайтесь особенно. Я ее не подсиживал.

— Что вы, что вы, — перепугался Александр, — как можно! Я и сам тут человек новый, только три месяца как, просто мы не ожидали вашего назначения.

— Я сам не ожидал, — признался Андрей Ильич. — А что делать?..

— Фу-ты, — сказал Александр и расстегнул и опять застегнул пуговку на тесном воротнике. — Как нескладно-то...

— И не говорите, — согласился Боголюбов.

Большими шагами он обошел три тесные комнаты. Одну из них почти целиком занимала пышнотелая кровать с никелированными шишечками и горой подушек, на подушки наброшено связанное крючком покрывальце. В другой были письменный стол под зеленым сукном, окно, выходившее в бедный и голый вечерний сад, книжные шкафы с мутными волнистыми стеклами без единой книги и пара пыльных диванов, а в третьей стол, не круглый, а овальный, пустая посудная горка, какие-то портреты в рамах, еще один продавленный диван и несколько колченогих стульев. Из коридора узкая лесенка вела на второй этаж.

— Наверху холодная и чердак, — проинформировал Александр Иванушкин. — Старый директор в холодной мастерскую устроил. Он живопись очень любил и астрономию тоже. А наверху как раз света

много!.. Он там и картины свои писал, и телескоп держал.

— Телеско-оп? — удивился Андрей Ильич. — А вы раньше где работали?..

— В Ясной Поляне, — быстро ответил Иванушкин. — Научным сотрудником. Сюда с повышением пришел, заместителем директора. То есть вашим заместителем.

— Ясная Поляна — место известное. Я бы даже сказал, знаковое, — пробормотал Боголюбов. — Не скучно вам здесь? Все же масштабы другие.

— Мне не скучно, — ответил Иванушкин с некоторым вызовом. — У нас вообще не скучно, Андрей Ильич. Наверное, после Москвы так не кажется, привыкнуть надо, но человек думающий всегда и везде найдет себе подходящее занятие и возможность продолжать научную работу. Я с Лондонской национальной галереей состою в постоянной переписке, к лету ждем оттуда коллег, которые европейскую живопись девятнадцатого века изучают. У нас отличная коллекция, все в полном порядке!.. Такой коллекцией, как наша, не всякий столичный музей может похвастаться.

— Здорово, — оценил Боголюбов. — А где еды купить?.. Или вы только духовную пищу принимаете?

— Почему, не только духовную... — Александр потянул себя за клетчатые манжеты. — У нас, как везде, супермаркет есть большой, прямо напротив, за горсоветом. Называется «Мини-маркет «Лужок». Рынок есть, но сейчас уже закрыт, конечно. Другие магазины всякие. Рядом с вами булочная, называется «Калачная № 3», прямо здесь, на Красной площади,

а дальше «Мясо-рыба». Модест Петрович ресторан держит для туристов, трактир «Монпансье» называется, тоже тут рядом, по правую руку. Вкусно, но дорого очень. Теперь всех на старину тянет, особенно столичных жителей. Очень им нравятся трактиры, калачные! У нас гостиница, и та — «Меблированные комнаты мещанки Зыковой»!

— А что? Хорошо придумано.

— Так закрывать нас приехали или только перепрофилировать?..

Боголюбов, которому надоел заместитель с его заискивающим видом и нелепой клетчатой рубашкой, объявил, что музей как пить дать будет перепрофилирован в развлекательный комплекс, а территория поделена между лечебницей для наркоманов и стрельбищем, а он, Александр Иванушкин, возглавит направление по работе с трудными подростками.

Александр моргнул.

— Спасибо большое, — сказал Андрей Ильич. — За теплый прием, за любовь, за ласку! Завтра часов в десять заходите за мной. Отправимся на рабочее место, посмотрим, что нужно сделать в плане будущего пейнтбола. А сейчас — прошу прощения. Мне бы вещи разобрать.

Гость — или, наоборот, хозяин?.. — закивал и поспешно ретировался. Между старыми яблонями мелькнула клетчатая рубашка и пропала за штакетником.

Андрей Ильич перетаскал из машины вещи, простирнул в тазу джинсы. Затем вышел из дома. Мерзкая собака кинулась ему под ноги, давясь и захлебываясь лаем. Цепь не пускала ее, но Боголюбов все же шархнулся в сторону и опять чуть не упал.